

Я мог бы использовать эту возможность, чтобы сблизиться с Хёндо, но я не хотел этого делать. Хотя этот путь был далёк от первоначального, я понимал, что если буду раздражаться, то всё снова пойдёт наперекосяк. Если подобные действия вернут меня к исходной точке, то зачем пытаться?

В романе Ю Хваи предпринимал лишь поверхностные попытки сблизиться с Хёндо, следуя желаниям своей матери. Но я не такой. Я не хочу предпринимать никаких действий, ни хороших, ни плохих, по отношению к Хёндо. Возможно, именно поэтому, когда моя мать ушла, доброта, которую я проявил при нашей первой встрече, исчезла.

Чтобы проверить свою догадку, я задал вопрос:

— Зачем ты следуешь за мной?

— Ты ошибаешься, — ответил он, показывая в определённом направлении. — Мне нужно туда же.

В коридоре было множество дверей, и я не мог понять, на какую из них указывал Хёндо. Возможно, моя комната была где-то здесь. Если мы будем жить рядом, то сможем чаще встречаться.

Я дал себе слово не становиться антагонистом, но это не означает, что я буду заискивать перед главным персонажем. Даже во сне я буду чувствовать себя беспокойно, если рядом будет тот, кто может уничтожить меня.

Я решительно направился в другую сторону, где также было множество дверей. Но внезапно на моём пути возник Мунчжон, дворецкий, который остановил меня.

— Ваша комната в той стороне, — сказал он, указывая на комнату Кан Хёндо.

— Неужели? — спросил я, продолжая идти в выбранном направлении.

Но Мунчжон снова встал у меня на пути, и на его лице отразилось лёгкое замешательство.

— Вам не туда, — повторил он.

Интересно, что он не называл мою мать «госпожой» и меня «молодым господином». Люди так легко читаемы.

Я остановился и улыбнулся.

— Пожалуй, мне стоит туда пойти.

Я приблизился к Мунчжону, скрывая свои чувства от Кан Хёндю. Когда я подошёл ближе, дворецкий слегка нахмурился.

— Есть ли здесь место, куда мне нельзя заходить? — спросил я.

— Нет... — ответил он с некоторым сомнением в голосе.

— Правда?

Я был уверен, что комната, которую он для меня подготовил, будет идеальной. Мне показалось, что на её обустройство было потрачено гораздо больше усилий, чем на другие помещения.

«Наверное, он ворчал себе под нос, когда стелил простыни и развешивал картины», — предположил я. На моих губах играла улыбка, когда я проходил мимо Мунчжона. Он не смог меня остановить.

Я вошёл в самую отдалённую комнату. Хотя я выбрал её случайно, она оказалась именно такой, какая мне нужна: с кроватью, письменным столом и шкафом. Комната была просторной и уютной. Я открыл большое окно и посмотрел на сад. В комнату ворвался свежий ветерок. Мне стало ещё уютнее.

Я без лишних слов подошёл к кровати и лёг. Простыни были такими мягкими, словно сделаны из облаков. Мне казалось, что я растворяюсь в них, как масло на солнце. Ощущения, которые когда-то были такими яркими, теперь казались далёкими, словно принадлежали кому-то другому. Я лежал на кровати, словно погрузившись в мягкое облако, которое уносило меня в сон.

Пролежав некоторое время неподвижно, я протянул руку и взглянул на свою ладонь. Я больше не чувствовал, что она мне не принадлежит.

И это чувство...

«Я жив».

Это было глубокое осознание. Я пошевелил пальцами, радуясь вновь обретённой свободе движений. Не было ни боли, ни тяжести — только лёгкость. Ужасное ощущение, будто я заперт в тесном пространстве, исчезло. Мои суставы двигались без проблем, не было больше странных зрительных и слуховых иллюзий.

Я больше не умираю.

«Я жив».

Я погрузился в это яркое чувство жизни, закрыл глаза и почувствовал себя свободным, как никогда прежде. Это ощущение было бы недоступно мне, если бы не моя болезнь. Однако, чтобы сохранить эту вновь обретенную свободу, мне нужно было решить некоторые проблемы.

Я резко сел в кровати. На горизонте маячило ключевое событие, которое я был полон решимости предотвратить.

«Смерть моей матери».

От одной только мысли об этом у меня по спине пробежал холодок, а сердце забилось быстрее.

В рассказе Ю Хвай с самого начала не было конфликта с Кан Хёндо. Хвай действовал исключительно по настоянию своей матери. Взаимоотношения между юношами можно было охарактеризовать как ненавязчивое соперничество. Родственники Кан Хёндо не сразу приняли Ю Хвай, но он сумел преодолеть эти трудности. Его способность очаровывать даже тех, кто изначально относился к нему с презрением, была поистине удивительной.

У Ю Хвай были сторонники, но все они были в некотором смысле безумны. Они поклонялись ему со слепой преданностью. К сожалению, некоторые пожертвовали своими жизнями ради него, но Хвай даже не помнил лиц тех, кто погиб за него.

Были ли они действительно преданы Ю Хвай? Один из них точно был. Среди всех последователей своей привязанностью особенно выделялся босс мафии.

Мафиози обладал впечатляющим ростом, особенно для корейца, и был на голову выше Кан Хёндо. Его появления в романе были редкими, но настолько яркими, что я запомнил их все. Не считая Ю Хвай, босс мафии был единственным персонажем, с которым Кан Хёндо было трудно справиться.

В погоне за Хёндо его роль была решающей. Но что любопытно, он намеренно не стал убивать Хёндо. В одном из диалогов раскрылись причины такого решения. В разгар напряжённого противостояния с Хёндо босс мафии заявил: «Я мог бы убить тебя прямо сейчас, не дожидаясь твоей свадьбы. Но тогда ты перестанешь быть мне полезен. Так что живи как можно дольше. Вот почему ты всё ещё цел».

План босса был похож на извращённую игру в кошки-мышки, и его причиной была одержимость Ю Хвай. Пощадив Хёндо, он хотел сохранить цель жизни Ю Хвай. В отличие от типичного злодея, который стремится к разрушению и уничтожению, босс мафии хотел полностью подчинить себе непредсказуемого Хвай. Искренне надеясь, что тот будет одержим им, так же как и Хёндо. Поэтому цикл поимки и освобождения Хёндо был лишь уловкой. Чтобы однажды убить Хёндо на глазах Ю Хвай и привлечь внимание последнего.

«Они оба просто спятили».

Только безумие босса мафии могло сравниться с тем, что происходило с Ю Хвай.

Чем больше я думал, тем больше всё это казалось мне бредом сумасшедшего. Но было и хорошо, что среди всего этого беспорядка Ю Хвай был единственным, кто мог контролировать даже босса мафии. И неважно, благодаря своему мастерству или просто удаче, но его власть была неоспорима.

«Вероятно, после окончания начался настоящий кошмар».

В конце романа Ю Хвай, единственный, кто мог сдерживать босса мафии, умер. Поскольку в романе не было завершающей части, то о том, как это повлияло на дальнейшие события, можно было только догадываться. Возможно, босс мафии, и без того неимоверно жестокий, после утраты Ю Хвай стал ещё более опасным и превратился в настоящего монстра.

«Счастливым конец — это лишь мираж».

Последние страницы романа были посвящены счастливому финалу.

Но скрывающийся в тени монстр непременно вернёт Кан Хёндю в кошмарную действительность, лишив его безмятежного существования. Представление о том, что Хёндю мог избежать этой участи, было ложным.

«Он, вероятно, подвергал бы его пыткам до тех пор, пока тот не стал бы молить о смерти».

Вот каков был этот человек, его безжалостность не знала границ. Методы босса были поистине леденящими кровь: он погружал людей в цемент, оставляя им возможность дышать через соломинку, или сдирал с них кожу, а затем разрезал каждую мышцу. Эти действия, совершённые над живыми, были лишь частью его жестокости. Примеры, которые приходили мне на ум, были лишь малой частью того, что делал босс мафии.

Подобный человек не стал бы так быстро расправляться с Кан Хёндю. Он бы постарался увидеть, как тот будет просить о пощаде. Даже если бы Кан Хёндю испытал всю боль, которую может вынести живое существо, ему бы не позволили легко умереть.

Я не знаю, что так привлекало босса в Хвай, но ясно одно: Хвай был его уязвимым местом, его ахиллесовой пятой...

Когда же Ю Хвай впервые столкнулся с представителями преступного мира?

В книге упоминалось, что босс был осведомлён о Ю Хвай ещё до того, как последний обратился к нему с заказом на убийство, но подробности оставались неясными. Ю Хвай не мог вспомнить ничего конкретного об этом человеке. А я, как читатель, не мог припомнить никаких деталей об их первой встрече.

Отсутствие информации об этом факте означало, что я должен был встретиться с главой мафии. Осознавая, что с этого момента моя жизнь станет гораздо сложнее, я был готов ухватиться за любую, даже самую незначительную подсказку, которую мог бы найти в романе.

И здесь меня осенило.

В памяти всплыли слова, которые босс мафии произнёс при первой встрече с Хваи: «Ты стал таким большим! А ведь раньше ты был совсем крохотным, как новорождённый мышонок».

В этом замечании содержалась важная информация. Хваи рос постепенно. В юности его рост составлял 178 см, а к 20 годам он достиг 185 см. Босс мафии упомянул об этом, когда Хваи уже был ростом 185 см. Это позволяет предположить, что во время их первой встречи парень был значительно ниже... Вероятно, это было в подростковом возрасте.

«Примерно в это время».

<http://bllate.org/book/12990/1143854>